

Потехин Алексей Антипович

Сочинения

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А47

А47 **Алексей Антипович П.**
Сочинения: Том 3 / Потехин Алексей Антипович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
726 с.

ISBN 978-5-519-79326-1

ISBN 978-5-519-79326-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавленіе.

Крушинскій. Романъ.

Часть первая	3
„ вторая	283
„ третья	549

Часть первая.

I.

Быль зимній вечеръ; время шло за полночь, но въ усадьбѣ Родовое-Подгородное все было на ногахъ. Прислуга суетливо бѣгала, перешептывалась, перебранивалась, всѣ обитатели господскаго дома находились въ очевидной тревогѣ, старались сохранить возможную тишину и вслѣдствіе этого шумѣли еще больше. Причина была простая: съ помѣщикомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Коркинымъ, владѣтелемъ этой усадьбы, неожиданно приключился ударъ и жизнь его, по мнѣнію всѣхъ, находилась въ опасности.

Супруга его, женщина среднихъ лѣтъ, довольно полная и недурная собой, на сколько можетъ быть недурна женщина лѣтъ подь сорокъ, казалось, была въ совершенномъ отчаяніи. Она то приходила въ спальню, гдѣ лежалъ больной ея мужъ, плакала надъ нимъ, ломала руки, то уходила въ сосѣднюю комнату, бросалась передъ образами, молилась съ рыданіями, съ воплями. Нѣсколько пожилыхъ горничныхъ женщинъ слѣдовали за ней шагъ за шагомъ старались ее успокоить.

— Сударыня, Катерина Михайловна, говорила одна изъ нихъ, усаживая варыню въ кресла, успо-

койтесь, что вы изволите такъ убиваться. Еще Богъ милостивъ!

— Ахъ, нянька, да я не переживу его, если сохрани Богъ... отвѣчала Катерина Михайловна и снова рыдала и плакала еще больше прежняго.

— Чтой-то, сударыня, ужь что вамъ представляется... Не этикіе примѣры бывали, да Господь миловаль... Вы себя-то пожалѣйте...

— Что мнѣ себя жалѣть?... Чтò я безъ него?... Слишкомъ двадцать лѣтъ прожили... Охъ, Господи!...

— Да вы этого-то не представляйте себѣ... Ахъ, чтой-то, матушка, полноте, поберегите себя... Да, вѣдь, батюшкѣ Ѳедору Иванычу гораздо лучше...

— Да послали ли за лекаремъ?

— Послали, сударыня, послали...

— Что же онъ не ѣдетъ долго? Господи, какъ не стыдно Андрею Захарычу... Пошлите еще чelовѣка за нимъ...

— Да и то двое ускакали, сударыня... Вѣдь тоже, скоро ли оборотишь: пять верстъ туда, да пять верстъ назадъ...

— Что баринъ? посмотрите...

Нѣсколько женщинъ бросились въ спальню и возвратились съ отвѣтомъ, что баринъ все въ одномъ положеніи.

— Господи! что же это будетъ... Господи?..

— Матушка, матушка, Катерина Михайловна, сударыня!.. уговаривала нянька. Понюхайте, матушка...

И она подставляла къ носу своей госпожи склянку со спиртомъ.

— Что мнѣ дѣлать?... Что это не ѣдетъ Андрей Захарычъ!.. не грѣхъ ли ему?... Пошлите опять за нимъ...

— Да, вѣдь, и то ужъ . . .

— Пошлите, говорятъ, если я приказываю
съ сердцемъ прикрикнула Катерина Милайловна. Чтобы гнали лошадей, чтобы замучили, только поскорѣе бы привозили Андрея Захарыча . . . Охъ, Господи, охъ!

И она снова бросилась въ спальню къ мужу, плакала, ломала руки, стоя у постели его, не умѣла подать ему никакой помощи, не находила никакого сподручнаго средства.

Въ то же время между дворовыми людьми было больше умничанья, совѣтовъ, брани и усердія, нежели настоящаго дѣла. Наконецъ, вдругъ, изъ устъ въ уста пошли слова: „лекаръ пріѣхалъ! лекаръ пріѣхалъ!“ Катерина Михайловна, услыша ихъ, стремительно бросилась на встрѣчу доктору.

— Андрей Захарычъ, ради Бога, спасите . . . заговорила она и не dokonчила фразы, потому-что передъ ней стоялъ не тотъ, кого она ожидала.

Это былъ молодой человѣкъ въ полу-военной формѣ, худой, блѣдный, но весьма пріятной наружности.

— Вы не меня изволили ожидать, сказалъ онъ холодно-вѣжливымъ тономъ; но вашъ посланный не засталъ въ городѣ вашего доктора и убѣдительно просилъ меня ѣхать. Я не могъ отказаться . . . Полковой лекаръ, Крушинскій.

— Благодарю васъ, очень вамъ благодарна. Ради Бога, помогите моему мужу: онъ умираетъ . . .

— Что съ нимъ? . . . Позвольте видѣть больного? . . .

— Пожалуйте сюда.

И Катерина Михайловна ввела Крушинскаго въ спальню.

— Извините, пожалуйста! сказала она, переступая порогъ дверей.

— Помилуйте! отвѣчалъ лекарь.

— Вотъ посмотрите въ какомъ онъ ужасномъ положеніи . . . Ради всего святого, спасите его . . . Онъ отецъ, онъ мнѣ дороже жизни . . .

И голосъ ея порвался въ глухихъ вопляхъ . . .

Крушинскій подошелъ къ больному, внимательно осмотрѣлъ его и задумался. Больной тяжело и рѣдко дышалъ, иногда со стонами, пульсъ его то упadalъ, то поднимался; онъ ничего не могъ говорить. Лицо лекаря выражало недоумѣніе.

— Неужели нѣтъ никакой надежды? спросила Катерина Михайловна съ отчаяніемъ въ голосѣ и, повидимому, готова была упасть при первомъ неопредѣленномъ выраженіи доктора.

— Успокойтесь! Не возмущайте больного! сказалъ онъ. Здѣсь много народа и душно. Прикажете открыть трубы въ печахъ и оставить здѣсь одного, или двухъ опытныхъ людей.

— Охъ, распорядитесь, ради Бога, я совершенно растерялась: ничего не могу сообразить . . . Докторъ, спасите его, ради дѣтей нашихъ . . . Охъ, я сама больна, я едва хожу.

— Успокойтесь, пожалуйста! вамъ всего лучше оставить эту комнату. Поручите мнѣ одному больного. . .

— Но что съ нимъ? Есть ли надежда?

— Богъ милостивъ! Удалитесь, пожалуйста. Прикажете себѣ подать стаканъ холодной воды. Дайте барынѣ нюхать спиртъ, намочите имъ ей виски! продолжалъ Крушинскій, обращаясь къ горничнымъ.

— Охъ, Господи, спаси его! — говорила Катерина Михайловна, выходя изъ спальни и поддерживаемая подъ руку.

Крушинскій сдѣлалъ быстрыя распоряженія, обличавшія въ немъ опытнаго и искуснаго врача. Онъ весь былъ въ своемъ дѣлѣ, когда въ спальню вошла горничная съ вопросомъ отъ барыни: лучше ли барину? Крушинскій, державшій больного за руки и прислушивавшійся къ его дыханію, ни слова не отвѣтилъ и только махнулъ рукой.

Горничная по своему передала этотъ жестъ Катеринѣ Михайловнѣ и черезъ минуту опять явилась къ лекарю.

— Барыня чувствуютъ себя не хорошо и приказали просить васъ къ себѣ, сказала она.

Крушинскій вышелъ. Катерина Милайловна истерически рыдала.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Что онъ, умираетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, кто вамъ сказалъ: напротивъ теперь, кажется, нѣтъ опасности.

— Помогите ему, спасите его! Мы съ нимъ прожили слишкомъ двадцать лѣтъ! У насъ дѣти, говорила Катерина Михайловна.

— Не тревожьтесь, ради Бога . . . Я употребляю всѣ усилія . . .

— Охъ, Боже мой, я сама едва жива . . .

— Ничего, ничего, вы только не тревожьте себя.

— Можно мнѣ его видѣть?

— Можно, но вамъ лучше успокоиться . . . положитесь на меня . . .

— Ради Бога, я васъ прошу.

— Будьте покойны, будьте покойны! И докторъ ушелъ къ больному.

Черезъ нѣсколько времени Крушинскій возвратился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Что? спросила она.

— Слава Богу, теперь нѣтъ опасности! сказалъ лекарь.

— Я, право, не знаю какъ васъ благодарить: вы спасли мнѣ мужа, отца нашимъ дѣтямъ.

— Помилуйте, за что же благодарить? Подавать требуемую помощь — это наша обязанность.

— Нѣтъ, докторъ, вы были такъ великодушны: пріѣхали къ намъ, не будучи даже знакомы съ нами. Я не знаю даже до-сихъ-поръ имени нашего благодѣтеля?

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, я, право, такъ перетревожилась . . . не знала что дѣлать, боялась, чтобы и со мной чего нибудь не случилось . . . И теперь такъ сильно бьется сердце и ломить голову . . .

— Вы испугались; но теперь, слава Богу, опасность миновалась — и все пройдетъ . . .

— Нѣтъ, вѣдь, я очень нервна: я не могу переносить равнодушно никакого малѣйшаго безпокойства . . . Андрей Захарычъ . . . вы знакомы съ нимъ?

— Да.

— Превосходный докторъ . . . Онъ знаетъ мою натуру . . . Онъ предписалъ мнѣ принимать лавровишневую воду.

— Гм . . . Это помогаетъ . . .

— Я очень благодарна Андрею Захарычу . . . Но я очень рада случаю, доставившему мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами и посовѣтоваться о самой себѣ.

— Андрей Захарычъ гораздо опытнѣе меня, и если вы пользуетесь его наставленіями, то мои совѣты не могутъ имѣть никакого значенія.

— Вы очень скромны . . . Но вы знаете: натура человѣческая . . . ее трудно проникнуть . . . Иногда

одинъ взглядъ, чтобы понять болѣзнь . . . Ахъ, Аркадій Николаичъ, я самое несчастное, самое болѣзненное существо . . .

Крушинскій взглянулъ на полную фигуру Катерины Михайловны и не нашелъ въ ней особенныхъ признаковъ болѣзненного состоянія; но чтобы быть деликатнымъ, онъ промолвилъ:

— Вы нервны . . .

— Ахъ, Аркадій Николаевичъ, у меня очень сердце болитъ . . . Крушинскій ничего не сказалъ.

— У меня несчастная натура, продолжала Катерина Михайловна: всѣ считаютъ меня женщиной здоровой, но мнѣ кажется я вся разбита . . . постоянно чувствую себя больной . . .

— Внѣшній видъ при иныхъ болѣзняхъ не имѣетъ никакой важности! поспѣшно отвѣчалъ Крушинскій, чтобы сказать что-нибудь.

— Я надѣюсь, вы не откажетесь помочь мнѣ вашими совѣтами?

— Я всегда готовъ къ услугамъ, но опять повторяю: вашъ постоянный докторъ обладаетъ медицинскими свѣдѣніями, можетъ быть, гораздо болѣе меня . . . и мое вмѣшательство можетъ показаться ему даже оскорбительнымъ . . .

— Охъ, нѣтъ! Андрей Захарычъ другъ нашего дома: онъ такъ любитъ насъ, что никогда ничѣмъ не обидится . . . При томъ онъ нашъ годовой докторъ и мы . . . кажется, весьма исправные пациенты . . . Я надѣюсь, что и вы, покороче познакомившись съ нами, не найдете въ насъ неблагодарныхъ . . .

Крушинскій вспыхнулъ; въ глазахъ его сверкнула гордость и неудовольствіе.

Катерина Михайловна замѣтила это движеніе.

— Впрочемъ, вы были такъ недобры, прибавила.

вила она, что-бы поправить свою неловкость: не хотѣли до-сихъ-поръ познакомиться съ нами, между-тѣмъ какъ это доставило бы намъ большое удовольствіе.

— Очень вамъ благодаренъ, но я вообще здѣсь почти не дѣлалъ знакомствъ, потому-что полкъ нашъ находится здѣсь временно.

— Но онъ пробудетъ въ нашемъ уѣздѣ цѣлую зиму. Многіе изъ вашихъ офицеровъ посѣщаютъ насъ, только вы одни были такъ горды...

— Признаюсь вамъ откровенно: я не общителенъ; сверхъ того, у меня такъ много занятій, по моимъ обязанностямъ...

— Но имѣя мало знакомствъ, вы не можете имѣть и большой практики.

— Я никогда не ищу ея! сказалъ Крушинской съ очевидной досадой.

— Покрайней мѣрѣ я надѣюсь, что вы не лишите насъ своего знакомства теперь, когда оно началось, хотя и случайнымъ образомъ.

— Мнѣ очень пріятно... Впрочемъ, позвольте: мнѣ нужно взглянуть на больного.

Крушинскій всталъ.

— Я надѣюсь, что вы ночуете у насъ, Аркадій Николаевичъ?

— Если вамъ угодно, но мнѣ кажется, что это было бы не лишнее, потому-что въ ходѣ болѣзни могутъ быть неожиданные капризы...

— Я васъ умоляю остаться: у меня теперь только и надежда на васъ однихъ. Ради Бога, не оставьте Ѳедора Иваныча, помогите ему... Но вы, я думаю, устали? такъ поздно... Мнѣ право такъ совѣстно и жалко васъ.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, за меня. Вотъ